

ОБРАЗ СИМУРГА – СОБАКИ-ПТИЦЫ

(иконография и семантика)

Полиморфные образы известны современным исследователям практически во всех древних и традиционных культурах. Синкретические, вымышленные животные, которые никогда не встречаются в природе, занимают особое место в мировоззрении древних. В их облике сочетались те признаки различных животных, которые отражали определенные их качества, наиболее нужные создателям. В результате рождалось множество фантастических существ, в разной мере популярных на тех или иных территориях в разное время. Наивысший расцвет полиморфизма наблюдается в искусстве степных кочевников раннего железного века, но реминисценции этого явления продолжались и в средние века, когда древние образы по-новому осмысливались и воплощались в иных художественных формах, а сфера их распространения даже увеличилась. Одним из примеров таких существ является изображение симурга, найденное в 1988 году на территории Кулундинского района Алтайского края.

Бляха размерами 2,7 на 3,3 см выполнена в виде сидящего животного, по-видимому, кошачьего хищника с крыльями. Изображение профильное, однако торс слегка развернут на зрителя и показаны все четыре лапы и оба уха (рис. 1-1). Поза свидетельствует о настороженности и внутренней напряженности существа. Это выражается изобразительными приемами. Акцентированы раздутые ноздри и оскал пасти, достаточно крупный глаз круглой формы и торчащие вверх уши, морда оформлена пышной, декоративно трактованной гривой. К голове подняты крыло, состоящее из пяти завитков, три из которых направлены вверх, а два загнуты вниз, и пышный хвост животного, оформленный несколькими волнистыми линиями. Абрис фигуры дублируется декоративной линией.

Изображение является частью комплекса находок, происходящих из грабленной могилы № 1 кургана-4 могильника Екатериновка III, раскопанного в 1988 году экспедицией АГУ под руководством В.С. Удодова. Памятник был открыт в 1974 году В.А. Могильниковым и А.П. Уманским. В настоящее время материалы хранятся в фондах Музея археологии АГУ. Курганная группа Екатериновка III состояла из пяти насыпей. Четыре кургана были вытянуты в цепочку по направлению с северо-востока на юго-запад, а один расположен в 170 метрах к западу от первого кургана цепочки. Все курганы сильно распахивались, насыпи высотой от 0,5 до 0,94 м фиксировались с трудом. Курганы грабленные, причем отсутствие костей на дне могил свидетельствует о том, что ограбление производилось вскоре после захоронения, и трупы просто вытаскивали из могил. Насыпь (от 16 до 28 метров в диаметре) соорудилась над единственной могилой, во всех могилах сохранились, в большей или меньшей степени, остатки деревянных конструкций (Чекрыжова О.И., Удодов В.С., 2000. С. 85–87). Погребальный обряд и инвентарь погребений свидетельствуют о том, что курганная группа Екатериновка III является единокультурным памятником, принадлежащим к сrostкинской культуре (Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001. С. 176–178).

Практически полную аналогию этому изображению представляют золотые фигурки, украшающие кожаный пояс, происходящий из одиночного кургана Олтарь I в Новосибирской области (Бараба в тюрское время, 1988. С. 89. Рис. 40-4). Они тракуются как крылатое собакоподобное существо и датируются первыми веками II тысячелетия н.э. (рис. 1-2).

Достаточно обширный круг аналогичных сюжетов встречается в искусстве раннего железного века на значительной территории: изображение крылатых тигров из Пазырыкских курганов (Руденко С.И., 1960. С. 289. Рис. 148; Руденко С.И., 1959. С. 310. Рис. 79); крылатые барсы, являющиеся навершиями гривен из

Уландрыкских (Кубарев, 1991. С. 152) и Юстыдских (Кубарев, 1987. Рис 46-1. Таб. XXVIII-1, 10) курганов.

Анализируя иконографию изображений, нельзя не отметить ее каноничность, что характерно практически для всех древневосточных цивилизаций. Строгая зафиксированность образов, их каноничность и повторяемость свидетельствуют об их устойчивым идеологическом содержании и о том, что с каждым из них были связаны определенные представления, каждый из них имел свое устойчивое назначение (Артамонов, 1968. С. 45). Канон – как художественная система – основная черта искусства Древнего Востока (Египет, Шумер, Вавилон, Китай и др.) – и в этом плане скифо-сакское искусство – не исключение. Существование в нем сложившихся общих закономерностей и художественной системы доказывает высокий уровень этого искусства как части древневосточного. Композиционное построение, ритмический строй, декоративность изображений и органичная связь с украшаемым предметом – характерное явление для всего скифо-сакского круга. В искусстве алтайских степей и предгорий, наряду с общими чертами, свойственными для обширной территории распространения скифского звериного стиля, в основном использовались стилистические приемы, характерные для Горного Алтая, однако некоторые детали говорят о влиянии искусства среднеазиатского. Особенно ярко это проявляется в предметах, происходящих с пограничных территорий. В целом, большинство полиморфных образов отличается повышенная декоративность, и в то же время лаконичность композиции. Но явление полиморфизма в древнем искусстве не было однородным, и в трактовке облика таких существ прослеживаются ощутимые различия.

Семантика полиморфных образов – вопрос наиболее спорный, и в то же время интересный. Так или иначе, и грифон, и крылатый хищник Симуург несли определенную охранительную функцию и, вероятно, выполняли роль оберегов, а образ рогатого хищника мог олицетворять возрождение природы и служить символом обновления. Однако нельзя говорить о неизменности идеологического направления образа в течение длительного времени (Смирнов А.П., 1976. С. 242). К средневековью, вероятно, произошла утеря древней мифологической семантики образа (Вагнер Г.К., 1976. С. 252), но, несомненно, полиморфные существа были важной частью мировоззрения, поскольку часто изображались на изделиях прикладного искусства, в качестве архитектурного декора и др.

Изображение крылатого хищника – достаточно устойчивый мотив древнего искусства как в хронологическом, так и в территориальном плане. Подобные сюжеты мы видим в искусстве Месопотамии, Индии, Ирана. Наиболее ранние примеры, выполненные в стиле Зивие: гравированный образ на золотой пекторали VII в. до н.э. (Луконин В.Г., 1977. С. 48) и ритон, изготовленный, скорее всего, мидийским тореветом, но выполненный в том же стиле из района Хамадана VI в. до н.э. (Луконин В.Г., 1977. С. 53), – оба хранятся в Археологическом музее Тегерана. Данный сюжет не только характерен для произведений искусства, выполненных в ювелирной технике, он встречается и в мелкой пластике, и в монументальной скульптуре на значительных территориях: рельеф из Персиполя «Царь, борющийся со зверем» – конец VI–начало V в. до н.э.; подставки под крышки, оформленные в виде крылатого хищника – Тянь-Шань (Бернштам А.Н., 1952. С. 137); львиный грифон на золотой бляшке из Амударьинского клада, V–IV вв. до н.э.; рельеф, оформляющий ворота ступы в Санчи I в. до н.э.; крылатые львы на ткани, настенной росписи Самарканда VII–VIII вв. н.э.

Диморфные существа – распространенный мотив древнего искусства – олицетворяют в представлениях людей двойственную сущность явлений, в частности, сочетание зверь – птица может трактоваться как соединение земного и небесного. Ремпель в своих исследованиях отмечает, что в искусстве сакских племен крылатость была символом астрального зверя вообще. Но какой бы зверь ни был наделен крыльями, он всегда устрашающ, монументально трактован, хотя и в обобщенных

формах (Ремпель Л.И., 1987. С. 42). Многочисленные примеры свидетельствуют о значительной устойчивости иконографического образа крылатого хищника, что позволяет говорить о мощной семантической нагрузке. Акишев определяет функцию этих существ как «оберегов, защищающих создаваемое пространство со всех сторон» (Акишев А.К., 1984. С. 47).

В «Авесте» описывается птица Саена, имеющая зубы хищника и другие звериные черты. В «Шахнамэ» Фирдоуси говорится о легендарной птице Симург, называемой «собакой–птицей», иконография образа которой подробно изучена К.В. Тревер (Бонгард–Левин Г.М., Грановский Э.А., 1983. С. 126).

Сходные предания о крылатых зверях известны многим народностям Северо-Восточной Европы, Зауралья (Бонгард–Левин Г.М., Грановский Э.А., 1983. С. 129). Это крылатый Карс в легендах хантов и манси, Жар-птица в русских народных сказках. Среди культовых предметов из Прикамья часто встречаются изображения птицы с головой волка.

Образы крылатых зверей и грифонов – олицетворение дуализма природы. В одних случаях он может нести охранительную функцию, в других служит выразителем агрессивных качеств.

Первоначально образ Сэнмурва – космическое существо, вступающее в борьбу с различными воплощениями враждебных природных стихий (змееборец), впоследствии, выступает в роли охранителя скота, а потом и растений (Рыбаков Б.А., 1967. С. 19). В эпосе «Шахнамэ» его образ трансформируется в птицу Семург – существо, тесно связанное с человеком. Ирано-среднеазиатский Семург имеет много двойников в различных историко-культурных регионах. Это Сымыр курдского фольклора, Синам в армянских сказаниях, Симаргл в древнерусских представлениях и декоративном искусстве, Гаруда в индийских сказках, Рух в арабских (Хакимов А.А., 1983. С. 103). К.В. Тревер наиболее ранние изображения Сэнмурва относит к VI в. до н.э., но большинство изображений датируется сасанидским временем (Тревер К.В., 1937. С. 325). С IX–XIII в. н.э. существенно изменяется иконография образа, вероятно, это уже совершенно преобразованный сказочно-фольклорный вариант полиморфного существа (Хакимов А.А., 1983. С. 104).

С образом этой фантастической птицы – «Гаруды» – мы впервые встречаемся в поздневедической литературе: Гаруда представлена как «царь птиц» – ездовая птица Вишну – и отождествляется с Таркшьею – конем, или птицей бога Солнца. В Махабхарате Гаруде посвящен миф (Мхб, I 20) о его рождении и постоянной вражде со змеями, который восходит к легенде о похищении Гарудой амриты, в свою очередь, восходящей к ведийскому мифу о похищении сомы орлом Индры (РВ IV26, 27). Впервые изображения Гаруды появляются на индийских монетах IV–V вв. В буддийской мифологии Гаруда – огромная птица. Встречается этот образ и в ламаистской мифологии. Кроме того, это популярный персонаж в фольклоре народов Центральной Азии и Южной Сибири (у монголов, бурят, калмыков, алтайцев, тувинцев и якутов). Зачастую этот образ связан с борьбой со змеями, почти всегда это царь птиц.

Семаргл в восточнославянской мифологии – божество, входившее в число семи божеств древнерусского пантеона (Хакимов А.А., 1983. С. 104). Образ фантастической птицы достаточно популярен и широко распространен в преданиях различных азиатских народов. В «Авесте» описывается птица Саена, имеющая зубы хищника и другие звериные черты. В «Шахнамэ» Фирдоуси говорится о легендарной птице Симург, называемой «собакой–птицей», иконография образа которой подробно изучена К.В. Тревер (Бонгард–Левин Г.М., Грановский Э.А., 1983. С. 126). Памятники искусства эпохи раннего железа и средневековья Алтая и сопредельных территорий свидетельствуют об устойчивости этих представлений в идеологии древнего общества, а находка в екатериновском кургане – еще одно тому подтверждение.

Рис. 1: 1 – Екатериновка III; 2 – Олтарь 1; 3 – Зивие; 4 – Киев, усадьба Трубецкого; 5 – Гнездовский могильник; 6 – Лысьево; 7 – Иран; 8, 9 – Киев; 10 – Амударьинский клад; 11 – Самарканд; 12, 15 – Пазырык; 13 – Семиречье; 14 – курган Иссык; 16, 17 – Уландрык

Литература

1. Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984. 174 с.
2. Бараба в тюркское время / под ред. Е.И. Деревянко. Новосибирск: Наука, 1988. 174 с.
3. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая // МИА-1952. № 28. 347 с.
4. Бонгард-Левин Г.М., Грановский Э.А. От скифии до Индии. М.: Мысль, 1983. 206 с.
5. Вагнер Г.К. Судьбы образов звериного стиля в древнерусском искусстве // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 242-249.
6. Всеобщая история искусств. Т. I. Искусство древнего мира / под ред. А.Д. Чегодаева. М.: Искусство, 1956. 469 с., илл. LVII.
7. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 302 с.
8. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.
9. Луконин В.Г. Искусство Древнего Ирана. М.: Искусство, 1977. 231 с.
10. Неверов С.В., Горбунов В.В. Сросткинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001, С. 176-178.
11. Ремпель Л.И. Цепь времен. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. Ташкент: Изд. литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1987. 190 с.
12. Рыбаков Б.А. Русалии и бог Симаргл – Переплут // СА. 1967. № 2. С. 17-30.
13. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953. 402 с.
14. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л., 1960. 350 с.
15. Смирнов А.П. Реминисценции скифского звериного стиля в древнерусском искусстве // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 242-249.
16. Тревер К.В. Сэнмурв – паскудж, собака – птица. Л., 1937. 356 с.
17. Удодов В.С., Чекрыжова О.И. Новые материалы из могильника Екатериновка III // Вопросы истории, археологии и этнографии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2000. С. 85-87.
18. Хакимов А. А. Изобразительно-орнаментальные образы и мотивы прикладного искусства // Художественная культура Средней Азии IX-XII веков. Ташкент, 1983. С. 90-111.